

УДК 001.9; 177

DOI: 10.17223/1998863X/55/28

С.В. Шибаршина

«БЕЗУМНЫЙ» УЧЕНЫЙ: ТЕНЕВАЯ СТОРОНА НАУЧНОГО ПРИЗВАНИЯ?¹

Предметом статьи является амбивалентность научного призвания в общественном сознании (на примере поп-культуры). Обосновывается идея о том, что двойственное восприятие науки и популярность стереотипов «безумного» и «злого» ученого в массовой культуре, особенно начиная с XX в., имеет архаичные корни. Указывается на архаичный характер данных стереотипов (алхимия, поиски физического бессмертия и т.д.).

Ключевые слова: наука и технологии, научное призвание, популяризация науки, безумный ученый, мораль и ученые.

Научное призвание в тисках амбивалентности

Призвание к той или иной деятельности, в данном случае научной, как справедливо отмечает Илья Теодорович Касавин, по всей видимости, явление архаическое, уходящее корнями в «глубинную историчность бытия». И да, оно амбивалентно: способно возвышать, быть даром небес и одновременно проклятием – как дар провидца, поэта и т.д. Будучи родом из архаики, призвание в западноевропейской культуре Нового времени облекается в одежды науки как нарождающегося феномена нового социально-экономико-культурного контекста. Однако при этом оно вступает в противоречие с данным контекстом, и в результате к XX в. становится очевидным конфликт между призванием и профессией – проблема, отмеченная в том числе Максом Вебером [1] и позже развитая, например, Стивеном Шейпиным [2]. Когда-то наука понималась как «путь к истинной природе» [1. С. 717–718], а научное знание было результатом героических усилий гениев-одиночек [2. Р. 34]. Но становится все более очевидным, что «интеллектуалистическая рационализация», «расколдовывание» мира приводят к ситуации, в которой наука воспринимается не как путь к истине и совершенству, а как фабрика по производству материальных благ, технологий и т.п. И только некоторая часть ученых, – Вебер называет их «взрослыми детьми», – верит в то, что наука способна указать направление поиска «смыслов» [1. С. 717]. Возникает конфликт между архаичным – внутренне ощущаемым призванием – и новыми социальными императивами.

При этом образ ученого – гениального одиночки, не растворившегося в «коллективном познании» науки как социального института, – все еще будоражит умы, появляясь на страницах и экранах научной фантастики. В нарративе о науке он как бы сливается с архетипическими образами, в которых научное призвание демонстрирует примечательную амбивалентность: с одной стороны, посвятивший себя науке (а значит, способный принести людям

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

великое благо), с другой – ради научных открытий и воплощения идеала будущего мира готовый принести в жертву буквально все (посланник небес и вместе с тем опасный безумец). К примеру, в научно-фантастическом романе американского футуриста Золтана Иштвана «Пари трансгуманистов» главный герой Джетро Найте движим всепоглощающим стремлением к победе над ограничениями биологической природы человека [3]. Эта сверхцель оправдывает любые средства, включая глобальное насилие, а также тесно связана с другим приоритетом Найте – тотальным принципом полезности, через призму которого он рассматривает все живое и неживое вокруг. Здесь находят полное воплощение легитимация рационального мировоззрения и пропаганда идеологии сциентизма: имеет право на существование только то, что рационально (в прагматической трактовке Найте). Не поощряется, соответственно, и мировоззренческий плюрализм: только трансгуманистическая наука и философия, только принцип полезности. По всей видимости, Найте можно отнести к типу так называемого «безумца», весьма распространенного в поп-культуре.

Безумный, злой и бесчувственный гений

Исследователи научно-популярной культуры отмечают, что одним из наиболее популярных образов ученых, по крайней мере на Западе, является безумный и / или злой ученый (см., напр. [4. Р. 23–46; 5. Р. 243]). Анализируя западную культуру, Рослинн Хейнс выделяет семь основных стереотипов ученых: (1) «безумный» (mad) и / или «злой» (evil, bad) ученый; (2) близкий ему «безумный алхимик» (evil alchemist; работает в секретных лабораториях над нелегальными экспериментами); (3) «благородный» (noble; ученый-герой, спаситель человечества); (4) «придурковатый» (foolish; рассеянный ученый); (5) «бесчувственный» (inhuman; ученый, который приносит в жертву все ради науки, включая чувства и отношения); (6) «искатель приключений» (adventurer; ученый типа Индианы Джонса); (7) «беспомощный» (helpless; ученый, не имевший злого умысла, но чьи эксперименты вышли из-под контроля и угрожают человечеству) [5. Р. 244]. Как видно, положительных стереотипов не так уж и много. К отрицательным также относят ученых, непредумышленно вызвавших бедствия («придурковатых» и «беспомощных»). В качестве хрестоматийных «безумных» и «злых» можно привести Доктора Стрейнджлава, героя антимилитаристской киносатиры «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу», профессора Фарнsworthа из американского научно-фантастического сатирического мультсериала «Футурама» и многих других персонажей книг, комиксов, фильмов, теле- и мультсериалов.

Все больше появляется работ, посвященных влиянию поп-культуры и различных медиа на формирование образа науки в общественном сознании (см., напр., обзор литературы: [6]). Исследователи отмечают, что для science communication фильмы, сериалы и шоу очень значимы и оказывают существенное и устойчивое воздействие на молодежь в вопросе выбора научной профессии (см., напр.: [7, 8 и др.]). Помимо упомянутого выше образа «безумного» ученого поп-культура, по мнению Кевина Финсона, также активно навязывает стереотип «ботаника» [9]. Последний часто изображается с неразвитыми социальными навыками, лишенный чуткости, сопереживания и

ряда других важных эмоций, при этом он стремится все рационализировать. Пример – Шелдон Купер из популярного американского телесериала «Теория Большого взрыва», который из-за любви к порядку даже разработал различные документы, регламентирующие его отношения с другими людьми, включая жену.

Что касается «положительных» ученых, одним из «пионеров» в создании положительного имиджа науки (а точнее, идеального образа) называют Фрэнсиса Бэкона («Новая Атлантида»), а реальным прототипом мудрого и благородного ученого считают Исаака Ньютона [5. Р. 246], стремящегося привнести гармонию и порядок в запутанный мир (по крайней мере такие черты обретает он в мифе о самом себе, подорванном, однако, публикациями о его увлечениях алхимией и оккультизмом). Продолжателями архетипа «благородного» ученого становятся также вымышленные персонажи: например, ученые из произведений Герберта Уэллса выступают самоотверженными и мудрыми личностями, достойными того, чтобы доверить им судьбы человечества [Ibid.].

Однако мировые войны XX в. наносят удар по положительным образам ученых, в то время как стереотипы злодеев и безумцев становятся более популярными – во многом благодаря осознанию потенциальной разрушительной мощи науки и технологий. Как отмечает британский историк Эрик Хобсбаум, в XX в. на восприятие современности в европейских странах оказало влияние ощущение того, что наука по сути своей опасна, поскольку «вмешивается в естественный порядок вещей» [10. Р. 530]. На фоне этого в массовой культуре сталкиваются два стереотипа – микс «злого» и «безумного» vs. «благородный» ученый, причем нередко уже в политическом контексте: например, в американской культуре фигурируют злодеи ученые-нацисты, с которыми доблестно борются американские герои-ученые, а в советской это противостояние благородных социалистов со злодеями-буржуа. И все же в западной культуре образы ученых, которым доверили судьбы нации и которые благодаря своему научному подвижничеству спасают мир, в послевоенное время становятся более редкими, уступая место злодеям, а также «беспомощным» ученым, принужденным участвовать в милитаристских проектах [5. Р. 246].

Однако это не двадцатый век породил стереотипы «безумного» и «злого» ученого: он, скорее, взял их на вооружение и растиражировал. Архетипический образ безумного гения, как известно, пришел в кино из художественной литературы; самые популярные и известные персонажи этого типа появились в литературе XIX – начала XX в. Однако их прототипы жили и творили еще раньше (средневековые легенды об алхимиках) – более того, истоки данного архетипа, по всей видимости, глубоко архаичны. Франкенштейн и поиски бессмертия через воскрешение физического тела – очевидный древний мотив. И даже в Средние века, несмотря на преследования, алхимия процветала, обещая своим последователям несметные богатства, сверхъестественные силы и долголетие (в определенной степени схожие блага ожидают сейчас и от науки). Образ доктора Фауста в зависимости от эпохи оценивался двояко: с одной стороны, это своего рода «Прометей», искатель знания, пусть и заблуждавшийся в выборе средств, с другой – самонадеянный глупец, возже-

лавший знать слишком многого. При этом он оказал существенное влияние на дальнейшее развитие темы.

И все же ситуация с популярностью того или иного стереотипа отнюдь не одинакова в разных странах. Если сравнивать послевоенный Запад с Советским Союзом, во втором случае образ ученого-героя, подвижника оказался более живучим, будучи частью общей культурно-идеологической стратегии, основанной в том числе на конструировании «людей новой эпохи» [11]. Образы «благородных» ученых очень плотно населяли советскую массовую культуру, включая научную фантастику. Это, однако, не означает, что популярность «злодеев» и «безумцев» обошла ее стороной. Яркими примерами являются: инженер Петр Гарин, герой романа «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого; Людвиг Штирнер из романа «Властелин мира» Александра Беляева; Бет Лон из «Туманности Андромеды» Ивана Ефремова и др. Не обошел советскую культуру и стереотип «бесчувственного» ученого: например, весьма неоднозначен образ физика-ядерщика Дмитрия Гусева (кинофильм «Девять дней одного года»), буквально одержимого наукой, жертвующего ради нее собственным здоровьем и отношениями с близкими.

Возвращаясь к проблеме распространенности в культуре стереотипов ученого-«безумца» и / или «злодея», зададимся вслед за К. Ларсеном вопросом о том, может ли это быть следствием общественного недоверия ученым и науке [4. Р. 24]? На наш взгляд, причин тут на самом деле несколько, и они разного порядка. Спекуляция на извечной популярности темы противостояния добра и зла вряд ли может полностью и удовлетворительно объяснить этот феномен. Относительно современных фильмов и сериалов, обыгрывающих популярные стереотипы ученых вокруг темы коллапсов, ускорителей, антиматерии и т.д., Ларсен справедливо отмечает, что «поп-культура может только спекулировать на людских страхах по поводу ускорителей частиц, если общество их, конечно, имеет» [Ibid. Р. 48]. «На руку» медиа-бизнесу играют и эсхатологические ожидания, а также теории заговора. В подобном контексте наука и ученые вполне могут иррационально рассматриваться как триггеры конца света. И все же, возможно, популярность стереотипа безумного и злого гения кроется в его архаичных истоках: с одной стороны, люди преклоняются перед великим, с другой – страшатся его. Сами же ученые предстают как жрецы прошлого, готовые ради великого дела приносить великие жертвы.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Shapin S. The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation. Chicago, IL : Chicago University Press, 2008. 488 p.
3. Istvan Z. The Transhumanist Wager. Lexington, KY : Futurity Imagine Media, 2013. 300 p.
4. Larsen K. Particle Panic! : How Popular Media and Popularized Science Feed Public Fears of Particle Accelerator Experiments. Springer, 2019. 194 p.
5. Haynes R. From Alchemy to Artificial Intelligence: Stereotypes of the Scientist in Western Literature // Public Understanding of Science. 2003. Vol. 12, № 3. P. 243–253.
6. Tan A., Jocz J.A., Zhai J. Spiderman and Science: How Students' Perceptions of Scientists Are Shaped by Popular Media // Public Understanding of Science. 2015. Vol. 26, № 5. P. 520–530.
7. Whitelegg E., Carr J, Holliman R. Using Creative Media Literacy Skills to Raise Aspirations in STEM. Milton Keynes : The Open University, 2013. 38 p.
8. Esch M. Make Science into a TV Series // VIEWPOINT_Media Policy. MaxPlanckResearch. 2014. URL: https://www.mpg.de/7426172/W001_Viewpoint_014-018.pdf (accessed: 10. 02.2020)

9. Finson K. Drawing a Scientist: What We Do and Do Not Know after Fifty Years of Drawings // *School Science and Mathematics*. 2002. Vol. 102, № 7. P. 335–345.

10. Hobsbawm E.J. *The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991*. New York : Pantheon, 1994. 627 p.

11. Shibarshina S.V., Maslanov E.V. Science Communication in the Soviet Union: Science as Vocation and Profession // *Social Epistemology*. 2020. Vol. 34, № 2. P. 174–183.

Svetlana V. Shibarshina, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russian Federation).

Email: svet.shib@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 55. pp. 266–270.

DOI: 10.17223/1998863X/55/28

THE “MAD” SCIENTIST: THE SHADOW SIDE OF SCIENTIFIC VOCATION?

Keywords: science and technology; scientific vocation; science popularization; mad scientist; morality and scientists.

This article focuses on the ambivalent perception of scientific vocation in the public mind (illustrated by popular culture). The author suggests and justifies the idea that the dual perception of the scientist and the popularity of the “mad” and “evil” scientist stereotypes in popular culture, especially since the 20th century, have archaic roots. The archaic nature of these stereotypes can be traced to alchemy, searches for physical immortality, etc. Originated from ancient times, the scientific calling comes into conflict with the “intellectualistic rationalization” and “disenchantment” of the world in Western European culture and, as a result, with professionalization as an inevitable element in science as a social institution. At the same time, though, the image of genius scientists who are not dissolved in collective scientific knowledge survives in culture, generating various facets of scientists’ perception. Studies of science communication show that the stereotypes of “mad” and “evil” scientists remain the most popular in literature and media, which can hardly be explained solely by the commercialization of these images. Rather, the popularity of these stereotypes lies in the archaic past: scientists appear as priests, ready to make great sacrifices for the greater good.

References

1. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 707–735.

2. Shapin, S. (2008) *The Scientific Life: A Moral History of a Late Modern Vocation*. Chicago, IL: Chicago University Press.

3. Istvan, Z. (2013) *The Transhumanist Wager*. Lexington, KY: Futurity Imagine Media.

4. Larsen, K. (2019) *Particle Panic!: How Popular Media and Popularized Science Feed Public Fears of Particle Accelerator Experiments*. Springer.

5. Haynes, R. (2003) From Alchemy to Artificial Intelligence: Stereotypes of the Scientist in Western Literature. *Public Understanding of Science*. 12(3). pp. 243–253. DOI: 10.1177/0963662503123003

6. Tan, A., Jocz, J.A. & Zhai, J. (2015) Spiderman and Science: How Students’ Perceptions of Scientists Are Shaped by Popular Media. *Public Understanding of Science*. 26(5). pp. 520–530. DOI: 10.1177/0963662515615086

7. Whitelegg, E., Carr, J. & Holliman, R. (2013) *Using Creative Media Literacy Skills to Raise Aspirations in STEM*. Milton Keynes: The Open University.

8. Esch, M. (2014) *Make Science into a TV Series. VIEWPOINT_Media Policy. MaxPlanckResearch*. [Online] Available from: https://www.mpg.de/7426172/W001_Viewpoint_014-018.pdf. (Accessed: 10th February 2020).

9. Finson, K. (2002) Drawing a Scientist: What We Do and Do Not Know after Fifty Years of Drawings. *School Science and Mathematics*. 102(7). pp. 335–345. DOI: 10.1111/j.1949-8594.2002.tb18217.x

10. Hobsbawm, E.J. (1994) *The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991*. New York: Pantheon.

11. Shibarshina, S.V. & Maslanov, E.V. (2020) Science Communication in the Soviet Union: Science as Vocation and Profession. *Social Epistemology*. 34(2). pp. 174–183. DOI: 10.1080/02691728.2019.1695012